Весною (этюд). Посвящается другу и человеку М. Тимошенко

Душно в каюте... Я отворяю дверь и выхожу на палубу. Здесь ясно и свежо... Я облокачиваюсь на барьер и смотрю, как всходит солнце и как возрождается день. Золотистыми лучами блестит спокойное море, отражая в себе ясное небо. Ночью выпал дождик, и воздух мягок и нежен. Всюду тихо и лучезарно... И грезится мне, будто я не на грешной земле, не на той земле, где пошличают и враждуют люди, но будто я в том царстве света, лазурном, где всё так упоительно и нежно, где всё облито лучезарным счастьем и где всё ликует, восхваляет и благодарит Всевышнего Творца!

Вон, — видите, — берег горы... Угрюмые утёсы, вершины гор облиты ласковыми лучами утреннего солнца. Ниже стелется синеватая полоска горного тумана; под ней зеленеет лес; в лесу белеют домики — дачи, а внизу блестит море... О, это так хорошо! И сердце моё переполняется счастьем.

На палубу вышли две молодые женщины. Они только что встали, умылись и, при сиянии утреннего солнца и блеске моря, они кажутся мне такими же прекрасными, как само море... Они подходят ко мне и дружески жмут мою руку.

— Далеко ли вы едете? — спрашивают они.

Я отвечаю, и мы немного говорим о том, о сём. Потом, ласково улыбаясь, они уходят. Я остаюсь один и снова смотрю на море. Там вижу маленькую лодочку с белым парусом. И почему-то эта лодочка с белым парусом тоже кажется мне прекрасной, и я долго думаю о ней.

Подходит господин. На нём строгое пальто, на носу пенсне, в губах толстая сигара.

— Виноват, — говорит он, — я хочу кое о чём с вами поговорить. Нет, просто, я хочу вас спросить: это с вами говорили те госпожи? Вы их знаете?

— Да, немножко знаю, — отвечаю я, и тут же думаю: — Зачем он дымит этой сигарой? Ведь от её дыма режет мою грудь... Вот я закашлялся... Господи!..

— Гм-м, — не унимается господин, пыхтя на меня сигарой, — я никак не могу примириться с мыслью, чтобы...

Он смотрит на моё лицо и на мою одежду. Да, да, он никак не может примириться с мыслью, чтобы вот такой человек, как я, был знаком с такими госпожами. Здесь, по всей вероятности, есть какая-то тайна? Да, да, тайна! Он очень будет благодарен мне, если я хоть немножко познакомлю его с этой тайной. И к услугам моим представляется роскошнейший портсигар. Не желаю ли я?

— Нет! Благодарю вас... Я не курю...

— Да? В таком случае... не могу ли я присесть вон к тому столику... — Он надеется, что стакан чаю мне можно выпить.

Я соглашаюсь, и мы садимся за столик. Я ему замечаю, что от его сигары я кашляю...

— Да? — спрашивает он, и тут же бросает сигару в море. За это я его благодарю.

— Зачем... зачем, — говорит он, — если бы я знал раньше, то... Такой он добрый человек! Он просит меня, не могу ли я кое-что рассказать? — Да, конечно, могу.

— Это было в те дни, — так начинаю, — когда я был юношей, тем юношей, в груди которого билось сердце, горячо воспринимавшее всё светлое, всё прекрасное. Служил я тогда на одном заводе, среди копоти и смрада. И была тогда весна, чудная весна! И представьте миловидного, симпатичного, белокурого юношу, с пламенным сердцем в груди, в тучах дыма, копоти и смрада!.. Я рвался к свету, к солнцу. И в силу житейской необходимости сдерживал порывы своего сердца и заставлял покоряться тому, чему покоряется большинство... Но в ту памятную весну, порывы осилили меня. И в одно такое весеннее солнечное утро, с криком «ура!» мы (нас трое) сели в обыкновенную крестьянскую гарбу, запряжённую парой гнедых лошадок, наполненную мягким, душистым сеном и помчались! Помчались за город, — за черту дыма, копоти и смрада, куда так рвалось моё сердце. К небу, к солнцу, к ветру, в широкую степь... Туда, где от века всё тихо и всё прекрасно!

Впереди змейкой вился просёлок, а позади волнистой, курчавой линией стлалась пыль. Встречный ветерок, как дуновение благодати, повевал нам в лицо; развевал наши волосы и пьянил наши души. Широко открытыми ртами мы глотали встречный ветер и упивались ароматом лугов. В упоении мы обнимали друг друга и восхищались степью, небом, солнцем и игривыми порханиями весёлых птичек. Они кружились над нами и несли нам свои райские песни. О, их

пение здесь поистине было райским пением!

Тихим вечером мы прикатили к одному монастырю. Виды окружающей его природы пленяли многих. Тогда был канун большого праздника, и стечение богомольцев было огромное. Монастырь светился множеством разноцветных огней, колокольный звон переливался чарующей волной. Радостные и восторженные, мы побежали к озеру, сели в лодку и отчалили. Среди озера мы бросили весла и застыли от восторга. О, если бы вы знали, как это было хорошо! Светились разноцветные огни, гудели колокола, мерцали звезды и спало тихое, спокойное озеро. Потом всё стихло, огни потухли, не померкли лишь одни звезды своим тихим кратким мерцанием, они улыбались всему миру.

Где-то кто-то крикнул; протяжное эхо длинно-длинно прозвучало над озером и смолкло. По небу прокатилась звезда и упала за горою. Крик повторился, и эхо прозвучало громко. Мы насторожились. В этом крике нам почудился жалобный вопль о помощи. Мы быстро ухватились за вёсла и помчались к берегу, противоположному монастырю.

Вся в белом на берегу нас встретила молоденькая девушка. Она порывисто дышала, судорожно жестикулировала руками и тревожно, жалобно лепетала. Она просила помощи. С ними случилось несчастье... Там в лесу она оставила свою подругу. Если мы не придём ей на помощь, то она может умереть... Мы поспешно выскочили из лодки и с вёслами в руках побежали за ней.

Трещала гниль, шелестели листья; ветви хлестали по лицу. Она бежала впереди нас и, задыхаясь от волнения и усталости, рассказывала нам, что после обеда она и её подруга сели в лодку, переплыли озеро и пошли лесом — пройтись. Это было так хорошо! Их восхищало всё. И они шли и шли... Потом стало душно.

В светлом ручейке они напились холодной воды. Вода была такая вкусная, и они пили много. Потом они сели на травку — отдохнуть. Над ними порхали красивые птички и так хорошо щебетали! Они сидели долго и сами не знают, как уснули..., разбудил её какой-то крик, стон. Она открыла глаза и.... ужас! Темно... Ночь... Лес... Её подруга стонет, она внезапно заболела и умирает... О, это было так страшно!

Она остановилась. Перед нами на измятой мокрой траве лежало что-то белое... это была её больная подруга. Она нагнулась к больной и проговорила, что пришли добрые люди и что теперь она спасена. Руки больной замелькали в темноте; она силилась что-то сказать, но не могла. Из вёсел и пальто наших мы сделали нечто вроде носилок, положили на них больную и осторожно понесли к берегу. Из сухих листьев и травы на дне лодки мы сделали мягкое ложе, положили больную и тихонько-тихонько поплыли к монастырскому берегу, где здоровая девушка вскочила на ноги и со словами: «Я на минутку», выпорхнула из лодки и скрылась в темноте. Кругом было тихо. Все спали... Больная стонала и билась руками об лодку: у неё был бред.

Через некоторое время к лодке подошла ушедшая девушка вместе с большой толпой. Нас окружили, и вдруг произошло что-то неожиданное. Громадный мужчина, исполин, с чудовищной палкой в руке протиснулся вперёд, сильным своим пальцем ткнул в мою грудь и грозно зарычал:
— «Э... э... позвольте, вас спросить! Вы... Вы богомолец? Богомолец, а?»

Его большое лицо, выпуклые глаза, злобное выражение, испугали меня, и я вихрем вылетаю из

лодки. Но громадная рука настигла меня и здесь. Кулак, величиной с полупудовую гирю, свистит у моего носа и потом сдавливает горло. В страхе я отступаю, путаюсь ногами и чуть не падаю, и тут, не теряя из виду чудовищную палку в руках исполина, я хватаюсь за неё своими руками... Боже мой! Ведь это была такая страшная палка. И сквозь весь хаос безумия слышу знакомый милый голос: «Сергей Павлович! Сергей Павлович!! Что вы делаете?! Что вы делаете?! Образумьтесь!!», и руки её ухватились за палку. Всё тело исполина задрожало от ярости, он угрожающе взвил грозную палку вверх и крикнул: — «Молчать! Молчать! И ты..., и ты ещё...» Вся туша исполина рванулась в сторону милого голоса. Не знаю, чем кончилось это дикое безумие. Я воспользовался благоприятной минутой и поспешил спасти свою голову от ужасной палки.

Друзья мои едва открыли мне двери и впустили меня в номер. Представьте себе, когда я вошёл в номер, то глазам моим представилось что-то необыкновенное: к дверям была сдвинута вся мебель номера. Это было нечто подобное баррикаде. Глаза друзей моих пылали безумным огоньком, всё у них дрожало; в руках их вилки и ножи:

— «Так и быть!» — кричали они дикими голосами: «Умрём! Но живыми в руки не сдадимся!»

— «Господь с вами», - заговорил я. - «Что вы задумали? Что вы этим поможете? Опомнитесь».

Но, увы! Вся беда обрушилась на меня. Я был инициатором этого путешествия!

— «Тебя надо за это проучить! Ведь это... уж лучше молчи!»

Вся ночь для нас прошла в каком-то кошмаре. С каждой секундой мы ожидали чего-то страшного. Малейший шорох, малейший шум и стук заставляли нас трепетать. Испуганному воображению нашему в каждом движении извне чудилась страшная палка в руках исполина. Она висела над нашими головами!

При сероватом свете утра двери мгновенно распахнулись и перед нами предстал десяток дюжих бородачей с огромными дубинами в руках. Друзья мои пали ниц, и оружие их выпало из их рук.

— «Обыскать!» — скомандовал один из бородачей и, усмехаясь, засунул за пояс большой револьвер. Десятки грубых рук, обыскивая нас, казалось, хотели наши тела превратить в порошок.

— «Довольно!» — крикнул командующий и расхохотался. — «Оставьте их в покое» ... И, обратившись к нам, добавил: «Извольте привести себя в порядок! Братцы выпроводят вас за ворота, и, с Богом!»

Видно, было, что с нами произошло какое-то недоразумение и исполин принял нас за каких-то злодеев.

Старый туман густо укрывал землю. Мокрой пеленою он ложился на согнувшиеся фигуры спящих богомольцев. С узелками в руках, окружённые бородачами, мы проходим большой монастырский двор и подходим к воротам. Калитка распахивается и грозное «вон!» — больно врезается в моё сердце. Калитка захлопнулась, прорычало сердитое ворчание:

— «Через вас, таких-сяких, нет покоя хорошим людям...» и всё стихло... Хотя ничто живое не видело нас, не смеялось, не любовалось нашим изгнанием, не тыкало в нас пальцем и не

хохотало над нашим поражением, но человеческое слово — «За что? За что?» — мучительно терзало мою душу...

Ударил первый колокол... Это зазвонили к заутрене. Мы подняли головы, а сквозь густую мглу мокрого тумана под воротами увидели одинокий крест, который многое сказал нашим сердцам и указал на разницу между словами и делом, между внутренним и наружным... И, как будто кем-то обласканные и кем-то ободрённые, мы вздохнули свободней, сделали шаг и вдоль высокого забора пошли по незнакомой нам дороге...

Каждый из нас, погружённый в свои думы, шагал по мокрой дороге... За высокими монастырскими заборами гудел одинокий колокол. Он напоминал миру о Великом Боге и призывал людей к молитве. Но как глух и тосклив в мгле мокрого тумана казался этот одинокий призыв.

В конце монастырской ограды к нам подбежала девушка-служанка и тихонько шепнула нам:

— «Пожалуйте сюда... Там ждёт вас барышня».

О, если бы знали, как забилось моё сердце! Мне подумалось, будто рассеялся туман и засветило ласковое солнце. Между грубыми, корявыми стволами сосен мы увидели образ милой девушки. Она была в плаще и высоких ботинках. Светились её добрые, ласковые глаза. Она шла навстречу к нам; с дружеским чувством пожала наши руки, от души извинилась за дикое безумие своих родственников. Потом узенькой тропинкой провела нас к тому месту, где был приготовлен роскошный экипаж. Она усадила нас в него, сердечно пожала наши руки и пожелала счастливого пути. Экипаж тронулся, и мы расстались...

С тех пор прошли годы. С миловидного белокурого юноши время превратило меня, как видите, в жалкого болезненного человека. Много лишений, много тягостных минут пережил я в эти дни. Но эта девушка в плаще, с ласковым выражением глаз, среди тумана, сосен, в каждую мучительную минуту приходила мне на память, и надежда тёплым огоньком начинала теплиться в душе моей... я закашлялся и умолк.

— Куда же вы теперь идёте? — спрашивает меня господин.

— Откровенно сказать, право не знаю... Видите ли, я болен... Здоровью моему нужен чистый воздух, горы и море... Надеюсь, кое-как подыскать какое-либо местечко и кое-как прожить лето... Во всём надеюсь на Великую милость Господа!

— О, да! — восклицает господин, — упованием на Господа, терпением и трудом всего можно достичь! Да, да, уверяю вас! — Господин пожимает мою руку и уходит. Пароход заворачивает в гавань. На берегу толпа людей, шум...

В порту получаю письмо с незнакомым почерком. В нём говорится о том, не желаю ли я иметь должность управляющего одной дачи; об условиях нечего беспокоиться. Одеваюсь поприличней и спешу по указанному адресу.

Вхожу в роскошный парк. На террасе богатейшего дома меня встречают две госпожи, знакомые от юности мне, и господин в сером пальто. Он дружески приветствует меня и любезно

представляет мне известных госпож: — «Это моя сестра», — говорит он, — а эта, бывшая девушка в плаще, всемилостивейшая моя супруга! Прошу любить и жаловать!»

Через год врач, пользующий меня, сказал:

— О, теперь, друг мой, вы будете жить, жить и жить!

Окно моё открыто. Перед окном цветут вишни. Они белы, как скатерть. Ветерок повевает по ним, и в комнату мою влетают белые лепестки.

На ветке сирени сидит птичка, серая, маленькая птичка. Но как она звонко, радостно поёт! Я долго думаю о птичке и о её радости.

— И почему бы мне, человеку, не быть таким радостным, как вот эта крохотная, серая птичка! Почему?

Я смотрю вдаль — там светит весеннее солнце и блестит море. Дай, Боже, мне больше жизнерадостных сил!

Ф. Морозов

Комментарии
